

ГЛАВА I

*Когда Господь хочет
приставить к человеку ангела,
он посылает ему сестру.*

В эту историю сложно поверить, но у вас есть выбор. А у меня нет ничего ценнее воспоминаний. Это дар свыше, и я делюсь им, пересказывая пережитое за пределами физических реалий. Говоря проще — я был мертв.

Жил ли я ДО? Точно помню, что пытался. И конечно, задумывался о смысле таких попыток. Как и любой нормальный человек, задыхался от недостатка информации о том, кто я. О том, что ждет меня, когда сердце преданно отстучит тихий последний раз.

Реинкарнация? Ад или рай? Или, может, сансара?

Идея слепой веры в какую-то религиозную условность внушала недоверие.

Я встречал много так называемых «верующих». Особенно раздражали те, кто пытался навязать свою религию. Меня корили за несоблюдение постов, за неверную трактовку тех или иных священных писаний, даже угрожали адом и расплатой за то, что не смирен и не каюсь.

Эти «верующие» были ничем не лучше остальных людей. Религия не помогла им навести порядок в жизни или обрести умиротворение. Как и все, они выпивали, сплетничали, объедались, гневались, изменяли, словом — имели изрядный набор пороков. Только в осуждении других им не было равных.

Самое смешное — они на полном серьезе думали, будто попадут в рай только за то, что навесили сами на себя ярлык верующего. Вместо того чтобы направить силы на изменение окружающего мира к лучшему, они упорно пытались всучить свою бездоказательную правду в бестолковых случайных спорах.

Спорящий — всегда проситель. Негласно он просит, чтобы к его аргументам отнеслись заинтересованно, поскольку нуждается в признании. Только в вопросах веры ни аргументов, ни доказательств нет.

Я был умен, начитан, успешен. Добивался поставленных целей, не доверяя предчувствиям или домыслам. Опирался лишь на логику и факты. Не возникало в жизни моментов, когда бы я действительно поверил хоть на мгновение в существование богов или иных миров. Однако я не был ярким атеистом.

Напротив, привычка допускать вероятности вселяла слабую надежду на существование загробного мира.

В отличие от большинства, я не испытывал страха перед смертью, просто хотелось удостовериться, что хотя бы за гранью существует справедливость. Но как бы ни искал в научных трудах подтверждения жизни после смерти, успехом поиски не увенчались. А теперь знаю: духовное не поддается математическим расчетам, не подчиняется физическим законам, но даже если бы подчинялось — дух никогда не позволил бы себя измерить в соревновании научных величин.

Не там нужно было искать, однако я жаждал фактов.

Моя ли в том вина? Все, что происходило со мной от рождения до смерти, — не более чем НИЧЕГО. Пустое, бессмысленное, безнадежное, оставляющее только тягостные смутные образы. Единственным светом, смыслом, ценностью, тем, без чего я не знал себя, была моя сестра-близнец. Нам не нужно было разговаривать, чтобы знать мысли друг друга, достаточно взглянуть в глаза или дотронуться.

С рождения мы были словно привязаны друг к другу и привыкли открыто выражать любовь — держались за руки, часто обнимались и смеялись. Наши глаза блестели. В детстве это казалось естественным, а позже начались проблемы: косые взгляды, лишние вопросы, грязные подозрения. Наши чувства стали ненормальными для общества, мы слишком напоминали влюбленных.

Про себя я все отрицал, твердил, что наша любовь — самая чистая на свете, но где-то глубоко внутри обреченно осознавал — подозрения небезосновательны. Невинные прикосновения являлись единственной доступной роскошью, и мне все больше хотелось явного выражения любви.

Мой взгляд стал чаще задерживаться на ее губах. Хотелось провести рукой по ее гладкой коже, по блестящим волосам, вдохнуть их аромат.

Хотелось слиться с ней воедино и больше никогда не разрывать обретенную связь. Я вырослел, сгорая заживо. И сходил с ума от невозможности прекратить агонию.

Во мне поселился страх, что она догадается о моих порочных чувствах, и это разрушит ее хрупкий мир, в котором не существует даже понятия «предательство». А я предал ее. Но, по крайней мере, удавалось хранить все в тайне.

Отныне, глядя на сестру, я регулярно ловил себя на мыслях, превращавших меня в чудовище в собственных глазах. В чудовище, с которым необходимо бороться. Я стал избегать ее взгляда, прикосновения были непозволительны. С огромным усилием я все чаще отказывался от ее общества, замыкаясь в себе.

Однако, как бы ни боролся с наваждением, в те редкие моменты, когда я видел ее перед собой, возвращались запретные чувства, вспыхивая с новой безудержной силой. Она была той же девчонкой, которую я всегда любил, с теми же ясными глазами, наполненными светом, коим больше не обладали ни одни из известных мне глаз.

Видя этот свет, испытывая страстное желание соединиться с ним, я отчетливо сознавал, что проклят навеки. Чудовище внутри не подчинялось мне, становилось все мощнее.

В те моменты, когда я был готов поверить в существование бога, все сводилось к тому, что я вновь проклинал его. Он допустил столько грязи и боли, позволив появиться самому уродливому, неблагодарному и убогому существу под названием «человек». Существо, творящему зло.

Только уродливый бог мог допустить такое.

Только убогий бог мог допустить, чтобы брат желал родную сестру. Грешный бог, породивший по своему подобию грешных детей, а после упивающийся их страданиями. Бог — жестокий, циничный, психически больной извращенец с последней стадией нарциссизма. Уж лучше совсем отказаться от идеи его существования, чем разочароваться в нем так глубоко, как разочаровался я.

Хотя... когда о нем рассуждала сестра, я слушал без раздражения. Ее представления никогда не унижали моей точки зрения, она не навязывала своего бога и не заставляла отказаться от убеждений. Просто рассказывала милые светлые сказки, и, когда я слушал их, становилось легче. Но лишь от того, что ее разум не замутнен грязью окружающей действительности.

Я бы никогда не отважился разрушить ее картину мира собственными доводами, подчерпнутыми из научно-исследовательских работ, опровергающих концепцию божественного творения. Да и она, выслушав приведенные доказательства и усмехнувшись, без труда подобрала бы собственные логичные контраргументы. Она любила исходить из того, что невозможно доказать отсутствие бога, и потому подобный спор завершился бы ничьей.

Как бы то ни было, для меня всегда оставался загадкой факт, что рассуждения ученых лишали жизненных сил, мир тускнел и выцветал, а щебетание сестры о высшем разуме хоть и казалось глупостью, вносило в мою жизнь хотя бы мимолетное, но все-таки счастье.

И я запомнил тот день, когда задорные огоньки в ее глазах стали меркнуть. Запомнил каждый последующий день. Шепот за спинами превратился в отравляющий смех и угрозы. В ее мыслях тоже завелся отвратительный паразит, который каждую секунду готов был напоминать о неправильности наших чувств.

Я молил небеса, желая избавиться от греховной любви, но, измучившись, в итоге отрекся разом от всех богов. Принял решение переключиться, переступить себя, переступить ее, стать холоднее. Она прекрасно все понимала, даже подыгрывала, чтобы было проще отвыкнуть.

Нам пришлось отдалиться.

Разделяя чувство глубокого отчаянья, сестра все так же улыбалась, находя утешение в успехе моего бизнеса, искренне радуясь новым деловым свершениям, удачным сделкам, выгодным контрактам. Я не мог ей признаться, что в основе успеха — махинации. Я получал прибыль на дураках, которые не знают своих прав и подписывают документы не глядя. В конце концов, они добровольно несли мне деньги. Ну а то, что попались на аферу, — сами и виноваты, будет им урок.

Шло время. Мы все реже виделись. В одну из встреч я вывернулся перед сестрой наизнанку, обнажил всего себя, без прикрас, однако это и привело нас в тупик. Из-за своих амбиций и жадности получить желаемое я окончательно разрушил ту хрупкую связь, что оставалась.

— Мы обязаны подумать в первую очередь о родителях! — говорила она. — Они никогда не смогут смириться с тем, что ты предлагаешь! Это убьет их! Ты готов принять всю тяжесть последствий ради сомнительного будущего? Пойми, кем бы мы ни были, что бы ни чувствовали,

вместе жить под одной крышей нельзя! Пора создать семью, завести детей и заниматься их воспитанием. Дождаться внуков, как ждут мама с папой, а после мирно стареть в окружении родных! Так устроен мир! Игра по собственным правилам никому не принесет счастья! Будешь продолжать жить своими интересами — и ты обречен! Повержен! Вычеркнут из жизни и забыт навсегда!

После этого разговора каждая последующая попытка общения неизбежно превращалась в самоистязание. Мы разъехались в соседние города — жить поблизости стало слишком тесно. Нам было необходимо территориальное препятствие. Мы пытались устроить личную жизнь, обзавестись семьями.

Только все шло наперекосок. Судьба словно смеялась над нами. Начались первые ссоры, но даже в такие моменты с ней было лучше, чем без нее. Я возвел сестру на пьедестал и боготворил, и отчего-то казалось, что она боготворила меня и так же тщетно искала малейшее сходство в других. Но природа не повторит ошибку и не создаст идентичные шедевры. И под «ошибкой» я всегда подразумевал себя, а под «шедевром» — ее.

В то время как я добивался поставленных целей, главная проблема состояла в том, что о ней нельзя было даже мечтать. Любовь отныне превратилась в набор всех возможных эмоций, преимущественно тягостных, возведенных в бесконечную степень и сконцентрированных на одном человеке. Каждый раз, попадаясь на мыслях о ней, я ругал себя, ненавидел, клялся больше никогда не надеяться на совместное будущее. Не надеяться, что вернется счастье, оставленное позади.

Не спешите винить меня, возможно, позже вы все поймете. Ведь у судьбы руки старухи: сухие, морщинистые, подчас пугающие, но мудрости в их тепле больше, чем мы способны разглядеть.

Я старался выправить душу. Заиклился на работе. Хотел чувствовать себя важной общественной фигурой, беспрекословным авторитетом. Хотел властвовать, поднявшись над другими. Хотел всех удерживать под контролем, чтобы никто не мог контролировать меня. Хотел, чтобы мной восхищались.

У меня было много женщин, но ни одну я так и не полюбил. Жизнь с другим человеком приравнивалась к моральным пыткам. Мои рвения начинались с разных причин, а заканчивались всегда одинаково — раздражение и ненависть к любящей меня женщине.

Я часто думал: если бы не знал сестру, если бы мы никогда не встречались, возможно, я бы испытывал интерес к жизни, нашел бы в ней смысл или придумал его. А испытывая подобие любви к случайной женщине, я бы верил, что это и есть любовь. Но мы оказались близнецами в одной семье, и единственное излечение от этой аномалии — забвение.

Тотальная потеря самого себя.

Однажды я едва не распрощался с жизнью... Те события прочно врезались в память, словно произошли вчера. Десятилетние, мы были наивны, беспечны и уверены в счастливом завтрашнем дне. Мы так привыкли засыпать и просыпаться рядом, что и помыслить не могли о возможной разлуке. В тот злополучный день нам суждено было впервые осознать, что у жизни найдется ответ для каждого самоуверенного человека.

Аномальная жара не могла удержать детей во дворах во время школьных каникул. Мы сбивались поутру, как стайка чирикающих птичек, и, торопясь к реке, оставляли позади турники и качели. Ребята постарше сразу заходили на глубину, чтобы поиграть в мяч. Некоторые присматривали за младшими сестрами и братьями, иногда позволяя себе поплавать неподалеку.

Мы же с сестрой довольствовались развлечениями на берегу или у водной кромки. Я гонял мелкую рыбу, бегая за ней наперегонки с волнами. Сестра обожала возводить песочные замки, иногда успевая за день выстроить целый городок с каналами и башенками. Плавать мы не умели, однако очень хотели научиться.

Наблюдая за старшими, я убеждался, насколько это, должно быть, легко. Школьный учитель как-то обмолвился, что плавание — рефлекторная реакция, и, в сущности, плавать могут даже младенцы. Но почему-то мне не удавалось. В попытках удержаться на воде тело казалось тяжелым, и ноги быстро встречали дно. Поэтому плавание казалось чем-то вроде суперспособности.

«Как только отбросишь страхи и полностью доверишься воде, она это поймет и откроет для тебя новые возможности», — рассуждал я, сидя на теплом песке, зарывая в него пальцы ног. Достаточно быстро меня наполнила уверенность: именно сегодня все получится. Воспрянув духом, я бодро направился к воде. Заметив это, сестра взволнованно заинтересовалась:

— Ты ведь не собираешься учиться плавать? — И, получив подтверждение своей догадки, требовательно повысила голос: — Но мама и папа запрещают, когда их нет рядом! Стой! Иначе я все им расскажу!

— Ты никогда не ябедничала и сейчас не станешь. Кругом люди! Если что-то пойдет не так, кто-то точно заметит! — перебил я и сделал еще несколько шагов вперед.

Сестра бросилась следом, рассчитывая схватить меня и вернуть на берег, но я был уже далеко. Оглянувшись, я засмеялся: она боязливо топталась на месте и размахивала руками, чтобы привлечь мое ускользящее внимание.

Зачем слушать ее? Я думал лишь о том, как она будет гордиться, радоваться, восхищаться, когда я поплыву навстречу. А потом начну учить ее, и, быть может, через пару дней она тоже поплывет, благодарная и счастливая. Обязательно поплывет, ведь только я смогу подобрать нужные слова и объяснить, что мы раньше делали не так.

Но чтобы научиться самому, нужно зайти чуть глубже, так удобнее лечь на воду. Я в очередной раз оттолкнулся ногами и попробовал грести, но меня упрямо увлекала глубина.

Сердце бешено забилось — ноги не нащупали дна. Только что, и будто бы на этом самом месте, я уверенно стоял, а теперь все изменилось. Потребовалась лишь секунда, чтобы сообразить — меня отнесло течением. В следующий миг я погрузился под воду, чувствуя испуг и удивление.

Я пытался выплыть и позвать на помощь, но вода моментально попадала в горло. Совсем рядом стояли три девицы, смотрели на меня и смеялись, о чем-то оживленно болтая.

«Неужели они думают, что я притворяюсь?!» — лихорадочно вертелось в голове, и ничем больше не получалось объяснить их феноменальное веселье. Мысли сменялись одна за другой, равно как и эмоции. Я даже вспомнил сцены из кинофильмов и разозлился на то, как бессовестно они лгут, ведь в действительности не удастся выкрикнуть ни слова.

Отчаянные попытки сделать глоток воздуха, выкрикнуть хоть что-то и откашляться, смешались в одно целое. Секунды растягивались на минуты, все происходило стремительно и медленно одновременно.

Полнейшая неразбериха.

Паника властвовала над глупым самонадеянным ребенком.

Река не простила моих амбиций, — она беспощадно лупила волнами, тянула на дно. Вода в очередной раз накрыла с головой. Сил на борьбу не осталось. Я принял судьбу, перестал сопротивляться и спокойно глядел сквозь водную толщу на сияющее летнее солнце.

Такое яркое, но больше не мое.

«Значит, вот так я умру», — подумал я, не ощущая ни страха, ни паники, ни боли. Просто прощался с солнцем в полной безмятежности.

Нейробиологи утверждают: в момент смерти мозговые процессы вызывают эйфорию, выбрасываются нужные гормоны — тем самым природа предусмотрела чувство облегчения в конце пути. Чувство избавления от земных тягот.

Но почему так происходит, у них нет ответа.

Как же без меня будут жить родители и сестренка? Умирая, я представлял их грустные глаза, полные слез. Было безумно жаль, но ничего не изменить. Слишком поздно. Я засыпал, растворяясь в золотых разводах над головой. И в этом трагическом безмолвии руки продолжали тянуться к свету.

А дальше не было ничего.

Никаких световых туннелей, белых коридоров, ангельских песнопений, ни малейшего намека на чувственные ощущения. Абсолютно ничего. Даже тьмы. Я просто спал, не наблюдая снов. Не существуя.

Очнувшись на берегу, я не сразу сфокусировал зрение. Незнакомец, что-то бормоча, с силой давил на грудную клетку. Вода освобождала легкие. Следом я увидел глаза сестры, красные от рыданий. Она склонилась надо мной, горячие слезы падали мне на лицо. Ее колотила крупная дрожь, с губ срывались лишь невнятные обрывки фраз.

В ту ночь она не отходила от моей постели, рассказывала об ужасе, который испытала, как только я начал тонуть. О том, что какой-то парень первым кинулся на помощь, и о чудесном спасении. Я выслушивал, как долго и мучительно тянулось время, сколько мыслей пронеслось у нее в голове. Она тысячу раз объяснила, какой я дурак, и каждую минуту требовала с меня обещание беречь свою жизнь.

Беречь не только в радости, но и в моменты горя. Беречь ради светлой надежды, невзирая на затянувшуюся зиму или самую страшную

бурю. Ни в коем случае не бояться, помнить солнце, чтобы снова открыться ему, подставив лучам лицо.

Что бы ни довелось вынести, как бы яростно ни пришлось бороться в дальнейшем, я должен был держаться, не уходить раньше срока на дно мутных вод. И я клялся ради нее. Однако, получив страшный опыт, в убеждениях укрепился: смерть — это конец сознания, нет никакой души.

Сестры не стало в середине сентября, в одну из промозглых дождливых ночей, когда в небе нет ни единой звезды. Какой-то ублюдок сбил ее на пешеходном переходе, — до дома ей оставалось пройти всего тридцать метров. Возможно, не справился с управлением из-за скользкого асфальта или неполадки с машиной, может, был пьян и перепутал педали... Причина не важна. Скорая приехала слишком поздно, ее уже нельзя было вернуть.

Я примчался, как только узнал. Тело к тому времени увезли в морг. Место происшествия обступили полицейские и зеваки, чьи лица отражали скорее любопытство, нежели ужас или боль. Их сердца не могли болеть, они даже не знали ее имени. Это мое сердце разорвалось, когда я увидел лужу крови вперемешку с грязью — такая вот аллегория жизни.

Разве для этого мы рождаемся?

Чтобы напитать грязь своей кровью?!

Я возненавидел себя за то, что не оказался рядом, не принял удар злосчастного автомобиля. Я бы отдал жизнь за нее без раздумий. Но чудес не бывает, как и справедливости. Ведь это я недостоин жить, это я всегда был плохим человеком и причинял окружающим зло, не чувствуя угрызений совести. Она же была безгрешным лучиком света, ангелом во плоти, олицетворением добра и великодушия. И чем закончилась ее история?

Водитель просто трусливо скрылся, оставив свою жертву один на один со смертью. Ни одного свидетеля не нашлось, чтобы выйти на след убийцы.

На похороны съехались отовсюду, сестру многие любили. Женщины в черных платках тихо всхлипывали, мужчины молчали. Люди подходили ко мне, выражали соболезнования, спрашивали что-то, будто

я мог ответить! Я даже не слышал их! Только слезы катились по лицу. Вцепился в гроб и стоял. Пальцы онемели. Мне хотелось, чтобы нас вместе зарыли в землю, оставили в покое. До этого я и не представлял, насколько ее любил.

А ночью сестра приснилась мне среди цветущих вишневых деревьев. Помню, как обрадовался, решив, что умер. Теперь мы встретились и больше не расстанемся. Она была красивой и живой. Мы гуляли, как в детстве, — держась за руки. Теперь можно. Она говорила, что боль быстро закончилась. Что почувствовала вишневый аромат и сразу перенеслась в этот сад. Обещала показать озеро.

Помешал рассвет, вторгшись непрошеным светом сквозь закрытые веки. Сновидение моментально растаяло, мы даже не успели попрощаться. Через час я уже стоял на коленях перед ее могилой. Клялся отомстить виновнику, повторял, что люблю ее, и спрашивал, как теперь жить? Глядя в небо, гневно кричал:

— Почему ты не взял меня вместо нее? Я слишком плох для тебя?!

Ночью, засыпая в своей кровати, я позвал сестру, и она снова пришла. Говорила, что все хорошо, что в новом мире нет ни тоски, ни боли, ни печали, и однажды мы встретимся, когда придет время. Во сне я соглашался, обещал держаться, ведь был так счастлив ее видеть...

Однако желание жить оставалось в мире грез, рядом с ней. Пробуждение стало пыткой. Я принимал снотворное, чтобы вновь погрузиться в сон и встретить сестру. Нереальный мир стал важнее. Проваливаясь в темноту, я звал ее до хрипоты, пока она не появлялась. Она говорила, что я должен бороться, обязан пережить это и идти вперед. Говорила, что не нужно ее звать, она всегда рядом, а во сне придет сама, если будет необходимо. Говорила, что расстраивается, потому что я принимаю много снотворного, забросил работу, перестал есть и сильно похудел. Просила одуматься и вернуться в реальность.

Всю жизнь я ставил перед собой цели, шел к ним напролом и в конце концов добивался желаемого. Теперь все желания расходились с действительностью, тонули в полной бессмысленности. В реальности остался лишь маленький клочок земли с черной оградой, остальной мир перестал существовать. Я чувствовал, как стремительно теряю рассудок, беспомощно продолжая вращаться в хаосе событий, из которого хотелось скорее выбраться.

Мир рушился. Сестра перестала сниться, ночи напролет меня преследовали кошмары. Я больше не мог смотреть на ее фотографии, с которых она глядела как уменьшенная копия в бумажном окне, которое никогда не распадется. Постепенно я сжег их все, мечтая точно так же превратиться в пепел.

Я забыл, когда в последний раз ел. Меня выворачивало от одного лишь запаха пищи. Каждый раз приходилось задерживать дыхание, проходя мимо палаток с продуктами или уличных кафе. Я больше не смотрел на светофоры, мечтая, чтобы меня насмерть сбила машина или автобус. Возненавидел работу, подчиненных. Я не хотел видеть их лица, не хотел общаться, не хотел вставать по утрам, приводить себя в порядок. Бросив бизнес, начал пить. Глотал таблетки без разбору, запивал алкогольной горечью и мечтал уйти вслед за ней. Причин для существования не осталось.

Так я продержался две недели, после начало рвать. Организм силится очиститься, боролся, препятствовал моим желаниям. Не ожидал, что мое тело столь крепкое и выносливое к травле. Однако решение было принято.

Я брел, шатаясь от опьянения, по ночному городу, в котором бурлила жизнь вне зависимости от таких условностей, как часы и минуты. Деревья скинули с ветвей золотой наряд, отчего город потерял последние краски, став серым и тоскливым. Преждевременный холод напевал о потерянном времени. Я думал о том, что стоило увезти ее отсюда, вместе улететь в какую-нибудь тропическую страну, где люди ходят круглый год в одних и тех же сандалиях и постоянно улыбаются.

А что теперь? Тусклые листья под ногами, безрадостное небо, неуверенный дождь день и ночь роняет капли на остывшую землю. Может, я научился смотреть на мир?

Но я смотрю на него! Смотрю по сторонам, а взгляд проскальзывает к небу, не уцепившись ни за что. Там — стаи птиц, улетающих прочь, к теплу, к солнцу. Им есть, куда лететь.

— Вы хотели бы узнать смысл жизни? — прервала мои размышления девушка, протягивая яркую брошюру.

— Может, сразу квартиру отписать? — бросил я, не замедляя шага. Она побежала следом, тараторя:

— У нас не секта! Мы помогаем людям вновь полюбить жизнь!

— Тогда у тебя еще полно работы, — заметил я, кивнув на снующих мимо людей со вселенской тоской в глазах.

— А что насчет вас? — спросила девушка, едва поспевая за мной.

Я остановился, достал из кармана сигарету. Незнакомка пытливо смотрела, позабыв про брошюры. Думает, что все знает. Думает, будто может чему-то научить. Затянувшись, я медленно выдохнул дым ей прямо в лицо, а затем произнес ровным голосом:

— Я счастлив.

Она закашлялась, и я быстро скрылся в потоке людей.

Колкий мороз, гололед и потерявшееся до весны солнце вынуждали их скорее торопиться по домам. Всегда удивляли эти безостановочные толпы — конвейер жизни. В этой гонке обесцвеченных дней мы появляемся и исчезаем, соревнуясь, кто больше мертв. В глазах лишь усталость и выплаканные слезы. Люди перестали задавать вопросы, почему-то решив, что знают ответы. Они считают, что познали мир, но где же счастье? Мечты лишены надежды, а в настоящем нет ничего существенного. Они убеждены, что лучший день в их жизни — не сегодня. Никто не знает их настоящих, и, самое смешное, — никто настоящему в этом не нуждается. Каждый день я видел тысячи грустных и обремененных лиц, смотря в них, как в зеркало.

Я давно перестал лицезреть мир глазами удивленного ребенка. Мне скучно, я устал от оранжевых разводов в ночном небе. Они разят химией и несут токсичную погибель. Мы поднимаем головы, молча смотрим на пылающее небо, вдыхаем отраву, а потом раньше срока тихо умираем от рака или астмы. Поразительный ассортимент протравленной продукции отвлекает внимание от самого важного. Наши глаза горят, мы работаем, чтобы позволить себе хотя бы часть предлагаемого товарного разнообразия.

Я вывел формулу алчности: глупость, помноженная на количество несъеденных в детстве конфет. Мы жадно хватаем отраву, приносим ее домой большими пакетами, запихиваем в рот, захлебываясь в слюне. Каждый день пичкаем себя любимым ядом. Повышенный спрос и производство процветают, заводы не прекращают строиться — и это среди жилых домов. Наш город в списке самых токсичных городов страны. Страна — в рейтинге наиболее экологически загрязненных. Каждый это знает, видит и чувствует, достаточно поднять голову и вдохнуть

полной грудью, но мы намеренно разучились это делать. Нас убедили, что ассортимент важнее.

Жизнь — та еще дрянь. Как бы то ни было, моя или чужая, — она больше не представляла ценности. Без сестры мне этот мир не нужен. Ужасное «без» — крохотная черная дыра моего сердца, которая засасывала и уничтожала все, что в нем хранилось. Я старался забыть это «без», не брал в расчет. Однако сегодня наступил день правды, а не самообмана.

Вдыхая промозглый воздух с ароматом первого инея, я жалел, что сердце не покрылось льдом. Разболелось горло, но и это не могло перекрыть неутраченную боль в груди. Крепко сжимая пузырек таблеток в кармане, я торопился домой, чтобы осуществить задуманное. Сегодня перестану принимать яды жизни, вырвусь из плена. Это не спонтанное желание, я давно все обдумал.

Тогда, захлебываясь под толщей воды, я хотел жить, поскольку думал о родных. Знал, что сестра и родители будут чувствовать вину всю жизнь, — это сломило бы их. Я был не свободен, ведь ответственность за их жизни лежала и на моих плечах.

Многое изменилось с тех пор.

Сколько я не видел родителей? После пяти лет разлуки бросил считать. Встретились взглядами чужих людей на похоронах, будем считать это гордым прощанием. Я перевел им круглую сумму на счет от продажи фирмы, откупившись от главной своей вины — моего рождения.

Страх смерти записан человеку в подсознание как инстинкт самосохранения. Но я-то знал правду.

Умирать приятно.

Я помнил пережитые ощущения, и сейчас смерть воспринималась как чудесное лекарство, навсегда избавляющее от боли.

Я решил наконец признать: мертвый буду полезнее миру, чем живой. В наш странный век самоубийц превозносят, и даже те, кто в толпе называет их слабаками, говорит с притворным удивительной тайне, которую больше никому не удастся постичь.

Этот вечный вопрос сродни многовековой полемике о любви, смысле жизни, добре и зле. Слаб ли тот, кто отважился распрощаться с жизнью? Я нашел для себя единственно возможный ответ. Это вне определений, вне классификаций, вне рассудительности и каких-то четких

критериев. Я всегда ненавидел толковые словари, не видел от них пользы. Как и в человечестве. А в первую очередь не видел толк быть сильным или слабым в этом мире. Потому что нет разницы — здесь все проигравшие. Зайдя предельно далеко, я не видел никакого толка БЫТЬ. В борьбе со смертью человек всегда проиграет, но я и не собирался бороться.

Сегодня я в последний раз усну в пустой квартире, до потолка наполненной одиночеством. Невидимым, тягучим, застилающим глаза, стягивающим легкие, отравляющим сознание.

ГЛАВА 2

Лед не знает, что однажды превратится в пар.

За очередным поворотом на картонных листах сидел нищий. Он гладил собаку, разговаривая с ней. Обычно я проходил мимо, но сейчас остановился, достал бумажник и протянул ему. Пошарил по карманам, выгреб мелочь, которая в них затерялась. Людям должно тратить деньги на исполнение желаний, а у меня их нет.

— Тебе нужнее, — сказал я. Нищий недоверчиво уставился на меня. — Я не шучу, бери.

— Храни вас Господь! — воскликнул он, дрожащей рукой принимая подарок. В его глазах заблестели слезы. — Сегодня мы устроим настоящий пир! — Он потрепал собаку за ухом.

Та, уловив смысл слов, завиляла хвостом.

Впервые в жизни я совершил благотворительный поступок. Жадное беспокойство за каждую копейку вошло в привычку, как случается у многих. Мастерски оправдав себя напоследок и мысленно повесив медаль за высокоморальные достижения, я зашел в подъезд, поднялся по лестнице, открыл дверь квартиры и, войдя, оставил остальной мир снаружи.

Уже ни к чему запирать дверь на замок.

Здесь, в мелочах, хранилась только наша история. Со стен молча взирали картины, в которых сестра старалась изобразить легкость своих сновидений. Удивительные миры кристальных деревьев, густых синих

лесов до небес. Миры, усеянные звездами, рассыпающимися затейливыми фейерверками. Крохотные милые домики с травяной крышей на берегу тихих рек, уютные и таинственные. И неведомые волшебные туманности, среди которых плавают островки надежды. Она так хотела поделиться всем этим со мной, ведь мне никогда не снились красочные счастливые сны.

Взгляд скользнул по горе немытой посуды в раковине и выше. Туда, где на полке стояла одна-единственная тарелка, которую я никогда бы не осмелился испачкать. Из нее мы ели в детстве вдвоем, превращая обеды в увлекательную игру с захватом чужой территории и перекачиванием горошка. Однажды какая-то гостья схватила ее в руки с намерением подать мне завтрак. Я накричал на нее, и тарелка со звоном встретила пол, разлетевшись на части. Выставив неуклюжую гостью за дверь, я склеивал осколки несколько дней подряд.

А вот копилка в форме оранжевого бульдога, которую сестра подарила на мой первый юбилей. Копилка быстро наполнилась, но я так и не решился ее разбить. Чтобы купить подарок, сестра впервые научилась зарабатывать: лепила глиняные фигурки, плела фенечки из бисера для девочек во дворе, и те с радостью раскупали украшения.

Рядом с копилкой — резная табакерка, ее сестра прислала почтой полгода назад. В письме поведала, что, увидев табакерку на блошином рынке, сразу вспомнила обо мне. О том, как когда-то пыталась отучить курить, как выбрасывала с балкона сигареты, как подсовывала листовки о вреде никотина. Как боялась, что родители узнают о моей привычке, и в то же время грозилась им все рассказать. Она всегда переживала за мое здоровье больше, чем я сам. Однако в том письме написала, что указывать кому-то, пусть даже собственному брату, глупая бесперспективная затея, рожденная максимализмом и идеализацией окружающего мира.

Самые ценные предметы в квартире так или иначе связаны с сестрой. Стоило посмотреть на любой из них, и я легко вспоминал прошлые жизненные сюжеты. Память уносила на невидимых крыльях к самому родному человеку, который никогда не разочаровывался во мне, верил в меня, недостойного этой веры, и любил больше, чем кто-либо.

Эта история, хранящаяся в мелочах, всегда была мне важнее, чем вся история человечества, запятнанная бесконечными войнами,

революциями, переворотами, гибнущими империями и поднимающимися государствами на руинах некогда величественных городов, на погребенных в земле безымянных костях.

Да, все ценное связано только с сестрой.

Как же я устал просыпаться и встречать новый день без нее!

Чтобы не победила трусость, я отключил мысли. То, что произойдет дальше — произойдет не со мной, ибо я УЖЕ умер. Мертвый, я таскал повсюду брэнное тело, удивляясь, откуда берутся силы. А главное, для чего? Глазами мертвого человека все происходящее вокруг — нелепая возня, в которой нет ни логики, ни смысла. А придавать смысл насильственно, изобретая его из ниоткуда, — о нет, я слишком трезво оцениваю обстоятельства, без фантазий, без самообмана.

Только дураки влачатся до старости, постепенно угасая в болезнях и жалости к себе, замыкаясь в плесневелых стенах, все больше злясь на все то, что расположено за их пределами. Разве существует что-то более бессмысленное?

Я машинально подошел к кровати, сел, достал снотворное и противорвотное. Подобная комбинация не оставит шанса выкарабкаться. Высыпал в ладонь первую горсть, отправил в рот, запил алкоголем.

— Что ты теперь сделаешь? Что скажешь? Нет тебя! — обратился я к несуществующему богу и сам же посмеялся над абсурдностью ситуации.

Дыхание затруднилось, на коже выступил холодный липкий пот, я вытер его и трясущимися руками отправил в рот вторую порцию таблеток. А потом запил алкоголем остаток. Все тело охватила дичайшая боль. Вскрикнув, я повалился на кровать и забился в конвульсиях. Страшное дыхание смерти пробежалось по коже и рухнуло в область сердца.

Как гигантский колокол, оно стучало настолько громко, что я не слышал собственного крика. Пошевелиться невозможно, тело парализовало в невыносимой пытке. Честно признаться, я ожидал, что все закончится гораздо быстрее.

Где же предсмертная эйфория?..

«Еще немного, и все пройдет, еще немного, и все пройдет...» — убеждало спутанное сознание.

Неужели только естественная смерть приносит облегчение?!

ПОЧЕМУ ТАК БОЛЬНО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ?!

Я крепко зажмурился. Учащенный пульс становился все тише и тише. Я терял себя, как и хотел.

Организм слишком ослаб, чтобы бороться. Скоро все закончится.

Приоткрыв глаза, я смутно различил перед собой темную фигуру. ОНО смотрело прямо на меня, холодно и безразлично наблюдая агонию. Интересно, обладает ли разумом?

— Да, — слышался отчетливый ответ в голове.

Потрясенный, какое-то время я боялся даже вздрогнуть. Темная фигура неподвижно следила, не предпринимая никаких действий.

— Ты здесь намеренно? — мысленно задал ему вопрос.

— Да, — последовал ответ.

Я продолжил диалог со странной сущностью:

— Причинишь мне вред?

— Нет.

Я знал, что побочным эффектом станут галлюцинации. Я едва соображал и должен признаться: для нынешнего положения призрачный гость вырисован очень убедительно, хотя и давал односложные ответы. Какие еще сюрпризы выкинет умирающий разум? Закрыв глаза, я сосредоточился на острой боли — она устрасала куда меньше.

— Галлюцинации? Обижаешь. Ты же всегда верил глазам, что случилось на этот раз? — Проекция умирающего ума издала нечто вроде смешка. — Самодостаточная личность, какая прелесть, — незнакомец заговорил громче и опаснее. — Такие попадают чаще всего.

«Что ты здесь забыл?» — зачем-то подумал я, не собираясь поддерживать разговор с плодом воображения. А незнакомец, несомненно, был таковым, потому и читал мои мысли столь ловко.

— Тебя жду, — ответил он.

Я ощутил, что ему нравится видеть страдания, он буквально упивался ими, становясь сильнее и опаснее. От него начала исходить пульсирующая мощная энергия, она обволакивала меня и проникала в измученное нутро. Зная в жизни немало садистов, я вдруг осознал — передо мной нечто иное, нечеловеческое и реальное, как бы я это ни пытался отрицать. С каждым моим сдавленным вдохом он становился темнее и плотнее, проявляясь из неведомых доселе реальностей.

Грудную клетку сдавило незримыми тисками.

БОЛЬ.

БОЛЬ.

БОЛЬ!

Я желал, чтобы непрощеный гость убрался из моей квартиры, но понимал: совсем скоро неизбежно попаду в его плен.

В следующее мгновение сердце остановилось.

Поток энергии ударил в спину, поднял над кроватью и швырнул на пол. Тело же осталось неподвижно лежать искореженным, на лице застыла гримаса боли и ужаса.

Я умер.

Но я жив...

Как все-таки странно смотреть на себя со стороны. Совсем не так, как в зеркало. Я могу двигать руками и вертеть по сторонам головой, но тело мое, как и не мое вовсе, лежит бездыханное, будто мы никогда не состояли в родстве, да и связи с ним не было. Его путешествие закончилось здесь.

Испытывая абсолютно новое чувство отрешенности, я склонился над ним: изнутри исходил красный свет, он вырывался наружу через раскрытые глаза и постепенно мерк. Остывает тело — исчезает свет. Так я это объяснил.

Внутреннее свечение имело все вокруг — стены и шкаф напротив кровати, сама кровать, прикроватная тумбочка с пустыми пузырьками из-под таблеток. Даже воздух не был прозрачным — то тут, то там клубилась разноцветная дымка, образовывая ступки, быстро рассеивавшиеся или принимавшие новую форму.

Я видел в них крохотные вспышки, завихрения, отдельные частички, многократно повторяющие самих себя в самих себе. Несмотря на ночную тьму, я отчетливо видел каждую грань, каждый контур и каждую деталь благодаря этому свету. Теперь мое зрение идеально.

Боль прекратилась, ощущение течения времени ушло, настоящее обратилось тягучим нескончаемым моментом. А рядом стоял тот, кто до этого предстал темной фигурой. Должно быть, его истинный лик открывается лишь тем, кто освобожден от материальных оков. А быть может, даже умершие не видят его настоящего обличья.

Высокий мужчина в черном пиджаке и черных брюках с идеальными стрелками. Гладкие черные волосы струились до плеч, приподнятых в гордой осанке, подчеркивающей величественную стать. Лицо отличалось тонкими чертами, будто выверенными гениальным скульптором с математической точностью. Да, он был избыточно красив, и красота эта ошеломляла, вгоняя в еще больший трепет.

Но стоило посмотреть в его черные глаза, как стало ясно: душа у него еще чернее. Меня пронзал колкий нечеловеческий взгляд, и все, что было в нем от человека, — внешняя оболочка.

— Какие удивительные события могут произойти при одном лишь допущении, не так ли? — вкрадчиво проговорил он.

Допущении? О чем речь?

И тут я вспомнил, что покинул тело как раз в тот момент, когда допустил существование иной стороны. Когда понял, что темная прозрачная фигура — реальна и не подчиняется материальному миру.

— *Теперь задумайся, кто ты?* — прогремел голос.

Для общения ему не требовалось открывать рот и шевелить губами. Хватало мысленных посылов, обращенных ко мне.

Я посмотрел на бездыханное тело. Среднего роста, широкоплечий, коротко стриженные с золотым отливом волосы, волнистые и непослушные, серые глаза с тяжелыми веками, от чего казалось, что они усталые и грустные — вот он, временный приют, сейчас уже бесполезный. Лишившись духа, тело потеряло смысл и стало грудой мусора, который вскоре кому-то придется убрать, чтобы очистить квартиру для будущих жильцов. Какая ирония — мое тело мешало миру и до, и после смерти.

Однако не тело огрубело с прожитыми годами, не оно впитало социальные правила. Не оно дало установки, как правильно и комфортно жить среди себе подобных. Не оно изобретало хитрости, разграничения, барьеры. Не взросление тела знаменовало стрессы, обязывая примерять маски. Не тело приобретало привычки, не оно пристращалось ко вредной еде и прочим сомнительным удовольствиям.

Грязь не на теле — оно верно служило, только и всего. Это дух перепачкан тяжестью, тянувшей сейчас к земле. Ничтожна цена земным достижениям, ради которых я тратил столько сил и времени. Все, к чему я стремился, теперь не нужно.

Так кто же я?

Сейчас я был частью пространства и не чувствовал внешней среды как раньше. Дуновения воздушных масс проходили сквозь. Дыхание осталось, но дышалось иначе. Не легкими в груди, а всем естественным. И не кислородом, а энергией Вселенной. Мы одно целое — теперь это стало так очевидно.

Мысли переменялись. Мирские хлопоты, связанные с физическими потребностями наконец отпустили меня. Казалось, только благодаря этому я способен взлететь.

— Ты не взлетишь, — сказал незнакомец.

— Почему?

— Ответ знаешь сам.

Да. Я самоубийца.

— Что дальше? — обреченно поинтересовался я.

— Голод. Чума. Ад.

Это не было неожиданностью и все же потрясло меня. Я прекрасно сознавал всю вину, всю тяжесть совершенных ошибок... однако не готов был услышать, что меня ждет преисподняя.

Жизнь всегда давала второй шанс, всегда была возможность все исправить, изменить. Каждый новый день и каждая минута предлагала бесконечное число вариантов, возможностей, дорог. Теперь же мне впервые дают понять — больше нет выбора, это время безвозвратно миновало. По поступкам моим уготована лишь кошмарная неизбежность. Неужели нет ни единого шанса спастись?

Незнакомец отрицательно покачал головой, и страх пробрал нас сквозь. В панике я силился припомнить отрывок из какой-нибудь молитвы, чтобы напомнить богу о себе, чтобы он обратил на меня внимание, чтобы спас. Но так и не смог вспомнить ничего конкретного.

«Господи, помилуй! Господи, помилуй! Помилуй!...»

— С этим ты запоздал. — В голосе черного человека таилась насмешка.

Я попытался перекреститься, однако руки отказались сделать это. Или их что-то сдерживало.

— Как долго я пробуду здесь?

— Что, теперь желаешь задержаться? — В демонических глазах разгорался огонь. — У тебя не более двух суток.

И, конечно, он все время будет рядом, как зверь, не отпускающий пойманную добычу, истекающую кровью, неспособную на побег. А после заберет в свое логово, ведь затем и явился.

— Могу я в последний раз навестить отца и мать?

— Такое право есть. Легким душам стоит пожелать — и они птицей переносятся к любимым. Но ты, самоубийца, в попытках добрать-ся будешь стремительно терять остаток энергии. А после, так и не достигнув цели, провалишься в бездну.

В брошенном теле исчезло свечение. Что, теперь просто сидеть в четырех стенах, боясь пошевелиться, дабы не терять энергию слишком быстро? Лучше попытаться, потерпеть неудачу и скорее встретить страшную участь, чем оттягивать ее здесь.

Развернувшись, я направился к двери, попробовал дернуть за ручку, и, конечно, ладонь прошла сквозь нее. Черный человек тихо посмеялся. Набравшись смелости, я прошел сквозь дверь на лестничную клетку, пытаясь не злиться и не раздражаться из-за преследователя, тем самым не насыщая его энергией неконтролируемых эмоций. Попробовал проскользнуть между этажами вниз, но ничего не добился. Для сознания это оказалось сложнее, так что пришлось спускаться по ступеням. Черный человек уже поджидал у подъездной двери.

Невидимый энергетический канал, питавший меня, ощутимо сужался. Высшие силы отказывались от меня, как от бесполезного элемента. А черный человек все смеялся и смеялся, не отставая ни на шаг, подобно стервятнику. Не удостоив его взглядом, я выскочил на улицу.

Несмотря на позднее время, на площади было слишкомлюдно. Поначалу я даже не понял, почему все эти люди просто стоят, а не идут по своим делам. Мертвецы, такие же как я, но по каким-то причинам пребывающие в забытии, потерянные, напуганные, все еще одержимые страстями, привязанные к земной тверди против воли, эти скитальцы остались без востребования. Находиться среди них невыносимо. Одно лишь присутствие рядом выжимало все соки, вытягивало оставшуюся силу, и голод становился с каждым мгновением ощутимее.

Я старался не смотреть на обезображенные полуразложившиеся трупные лица. Гнилостный смрад вперемешку с такими же гнилыми раздумьями исходил от них. Я буквально считывал мысленные потоки, будучи подключенным к общей с покойниками эмоциональной волне. Все, о чем они мечтали, — вернуться в людской мир любыми способами.

— Даже если одному из них удастся подселиться в чужое тело, его дух никогда не будет прежним, мельчая день ото дня. Только представь — он старался воскреснуть, вернуть земные ощущения, снова испытать вкус любимой пищи, сладость спокойного сна, тепло человеческих объятий. Но единственное ощущение, которое будет испытывать, — чувство утекающей сути, рассеивающейся в пустоту. А вместе с этим чувство обреченности и неотвратимого конца. Цепляясь за отвоеванное в противоестественной борьбе чужое физическое тело, души лишаются последней крупинцы добра и тем самым навсегда вычеркивают себя из всех возможных миров, — поведал неразговорчивый до сих пор спутник.

— Что же меня отличает? — Я сомневался, что чем-то лучше их, однако хотя бы пребывал в сознании и мог контролировать свои действия.

— А ты подожди, — произнес черный человек уже привычным издевательским тоном.

Мысль о родителях заставила пройти вперед через толпу умерших. Это действие не осталось незамеченным, и, хрипло задышав, они потянулись ко мне изгнившими костлявыми руками.

Мертвецы отнимали мою энергию, наполняя пустые голодные души, только она не задерживалась в них, утекая, словно вода из треснутого кувшина. Забрать силу, чтобы тут же ее потерять, без возможности насыщения — в этом их суть.

Я злился, упорно двигаясь вперед, но каждый последующий шаг давался сложнее предыдущего. Попытался бежать, однако ноги оказались слишком тяжелы, чтобы оторваться от земли. Какое-то время я черпал руками по воздуху, глотал его ртом, кричал от ужаса и смятения.

На теле стали проявляться гнойные язвы, сочившиеся черной слизистой вонью. А рядом стояли такие же мертвецы и хищно глядели мутными глазами.

Когда сил не осталось, голос потух. Наступила тишина. Голод сдавил со всех сторон. И только ничтожные помыслы кишели в этой тиши, как назойливые мухи, от которых не отмахнуться.

Без временного счёта попытки тянулись слишком долго. Не в силах пошевелиться, окруженный разлагающимися духами я пытался воззвать к богу, но не мог отдавать мысли вовне. Я был заперт внутри

особого мира потерянных душ, пропащий в чужих страшных образах и в собственных. Погруженный в зловонное болото самых мерзких человеческих желаний, среди которых оказались и мои.

Сейчас мои мысли точно так же выставлены напоказ: без прикрас обличали суть и концентрировали всеобщее презрение. Мелкие обреченные людишки осуждали меня, кривились, насмехались. Даже когда они погибали, их не покидало чувство превосходства, хотя чем они могли превосходить остальных? Только тем, насколько больше сожрали красоты, насколько чаще плевались злобой, насколько бездарнее растратили отпущенное время.

Их души истлели, прожженные черными язвами, искореженные под гнетом грехов. Даже выворачивая внутрь глаза, они по-прежнему гордились собой. А черный человек просто стоял рядом и молчал, или его мысли уже не доходили до моего голодного зараженного сознания.

Внезапно во всеобщий поток страданий вмешались совсем иные эмоции. Счастье, даже восторг. Но восторг устрашающий, не сулящий ничего доброго. Совсем наоборот, сродни восторгу толпы, увидевшей публичную казнь преступника. Сродни их удовольствию видеть, как катится человеческая голова с гильотины, как с треском падает на бульжную мостовую. И пока она рефлекторно моргает, люди с той же жестокостью веселостью принимают ее пинать, будто окровавленный мяч. Именно такой дьявольский восторг вторгся сюда.

Чужак грузно двигался где-то позади, хрипя и протяжно шаркая, будто волоча по земле огромный набитый мешок. Я не мог его увидеть, только почувствовать. Глаза застыли в глазницах, однако я интуитивно понимал происходящее. Некто пришел за нами и сейчас пожирает души. Он подбирается все ближе и ближе, в то время как мне уже не пошевелиться. Не замахнуться рукой в попытке ударить, защититься, оттянуть гибель.

— Самоубийца, — прошипело чудовище, прожигая взглядом затылок. — Самоубийца!

Серые, щетинистые, выгибающиеся во все стороны руки с длинными когтистыми пальцами потянулись ко мне. Черный человек выступил вперед, глядя поверх моей головы прямо на монстра.

— Самоубийца!!! — еще более рьяно прохрипело чудовище, глядя воздух рядом со мной, желая поскорее сомкнуть пальцы.

— Бери остальных, его не трогай, — прошептал черный человек, криво улыбаясь. — И лучше не зли меня.

Монстр покорно опустил руки и попятился, быстро переключившись на других. Я же окончательно перестал понимать происходящее. Зачем стервятник защитил меня? Почему не прогнал чудище, чтобы забрать с собой всех? По могуществу он — что хозяин для пса, так чего же сам стережет меня? Выходит, я и правда чем-то лучше?

Но даже когда все стихло, и мы остались стоять на площади вдвоем, он не отвечал. Чего мы все-таки ждем?

Когда тонкая связующая ниточка наконец разорвалась, земля подо мной разверзлась.

— Пора, — произнес черный человек, схватил меня за руку, и нас увлекло сквозь неизведанные пространства, чужие реалии и чьи-то сны.

Мы стояли позади выжженной степи в окружении кровавых деревьев. Приглядевшись, я уловил черты людей, вросших в землю. Их воздетые к тяжелому грозовому небу руки превратились в кривые ветви, сухие и мертвенные. Люди стояли по пояс в холодной черной земле, дрожали и стонали, и я лишь мог догадываться, как их ноги, превратившись в корни, глубоко вращались в безжизненную почву, но так и не встречали живительную влагу.

Широкий ров впереди окружил зловещую черную скалу, возвышавшуюся над красной рощей, надо мной и над черным человеком. У заостренных каменных вершин кружило каркающее воронье. В скальных расщелинах бурлила огненная лава. Она вырывалась наружу и застыла странной прозрачной смолой. Величественные массивные двери, ведущие внутрь скалы, настезь распахнутые, призывали меня. Над дверьми огненные извивающиеся языки образовывали надпись:

«Судьи — здесь. Вся власть — пороку».

Я понимал: войдя внутрь скалы, никогда уже не выберусь на свободу. Здесь бежать некуда. Каждое из направлений сулило лишь бескрайние обугленные земли или непроходимые леса вечных мучеников.

Я подошел ко рву, доверху наполненному ядовитой водой и зеленоватым паром, со дна которого доносилась странная погребальная песня. Приглушенные воюющие мотивы поднимались вместе с испарениями, пронеслись над водной гладью и окутывали деревья.

Пленка воды приподнялась бугром и лопнула, разорванная тем, кто жил на самом дне. Почувяв меня, страж вынырнул. То, что сначала показалось пузырящейся кожей, оказалось множеством глаз, смотрящих во все стороны. Страж молчаливо изучил поверхность и повернулся ко мне самым большим глазом. Он ждал от меня действий, но каких?

Я осторожно поклонился. Он закрыл глаза, бесшумно погрузившись на дно. Спустя мгновение ядовитая дымка рассеялась, образовав тропинку прямо ко входу внутрь скалы. Я вопросительно посмотрел на сопровождающего — тот кивнул.

Сделав первый несмелый шаг, я с удивлением подтвердил догадку — гладь воды держала, как прозрачная ледяная корка. И я двинулся вперед, настороженно глядя под ноги, поскольку все здесь казалось ненадежным, обманным, зыбким, рискованным вот-вот обернуться очередным кошмаром для случайного путника.

А на дне под толщей воды неподвижно стояли утопленники, прямые и скованные невиданными силами, без возможности всплыть на поверхность. Некоторые спали, прикрыв глаза, задрав головы и раскрыв рты. Те, кто проснулись, пытались дышать, но, захлебываясь, вновь переживали ужасы физической смерти, погружаясь в жуткий сон. Чтобы через какое-то время вновь ожить, вновь захлебнуться и вновь умереть.

Медленные шаги по поверхности и мой взгляд, устремленный в воду, рождали осознание — я ничем не смогу им помочь, как и они ничем не помогут мне.

Поравнявшись с исполинскими дверьми, я испытал явное облегчение, встретив под ногами почву. Мы вошли внутрь скалы, оказавшись в темном колонном зале, уходящем далеко вперед. Здесь гремела жуткая, режущая слух музыка. Отполированный до зеркального блеска каменный пол отражал гобелены, изображающие сцены казней и пыток. В центре зала — гигантский каменный змей с сотней голов... Справа — вереница обнаженных мужчин и женщин. Они стояли на коленях, сложив за спиной почерневшие до локтя руки и склонив головы. Я оказался в самом конце этой очереди, не имея ни малейшего представления,

что тут творится. Мои руки были так же черны. Это не грязь. Оттереть черноту невозможно, она идет изнутри. Здесь никто не осмеливался говорить друг с другом, люди молчали, погруженные в раздумья под звуки невидимого оркестра.

Из противоположных дверей вышла дюжина отвратительных карликов, держащих кубки, и я догадался — это причастие.

Статуя многоглавого змея внезапно ожила. Видимо, посчитав свою миссию оконченной, черный человек скрылся за бархатной занавесью арочного прохода. Змей, извиваясь, медленно выползал из стены, его головы тарасились по сторонам, шипя и высовывая раздвоенные языки. Чешуйчатые кольца собрались на полированном полу, головы раскинулись веером и хором заговорили низким утробным голосом:

— Избранные из человеческого стада, призванные истребить его! Лишенные света, призванные отбирать его! Навечно проклятые, чернорукие, рожденные гневом! Вечно голодная тьма приветствует вас!

Из раскрытых змеиных пастей заструился черный дым, надвигаясь на нас. Женщина, стоявшая рядом, нетерпеливо встрепенулась и снова уткнулась взглядом в пол, пытаясь подавить улыбку. Она явно этого хотела и пришла сюда самостоятельно. Я всматривался в остальные лица: на каждом читалось желание, удовольствие, ликование, возбужденность. Пытаясь найти хотя бы одного испуганного человека, я все больше убеждался: здесь таких нет.

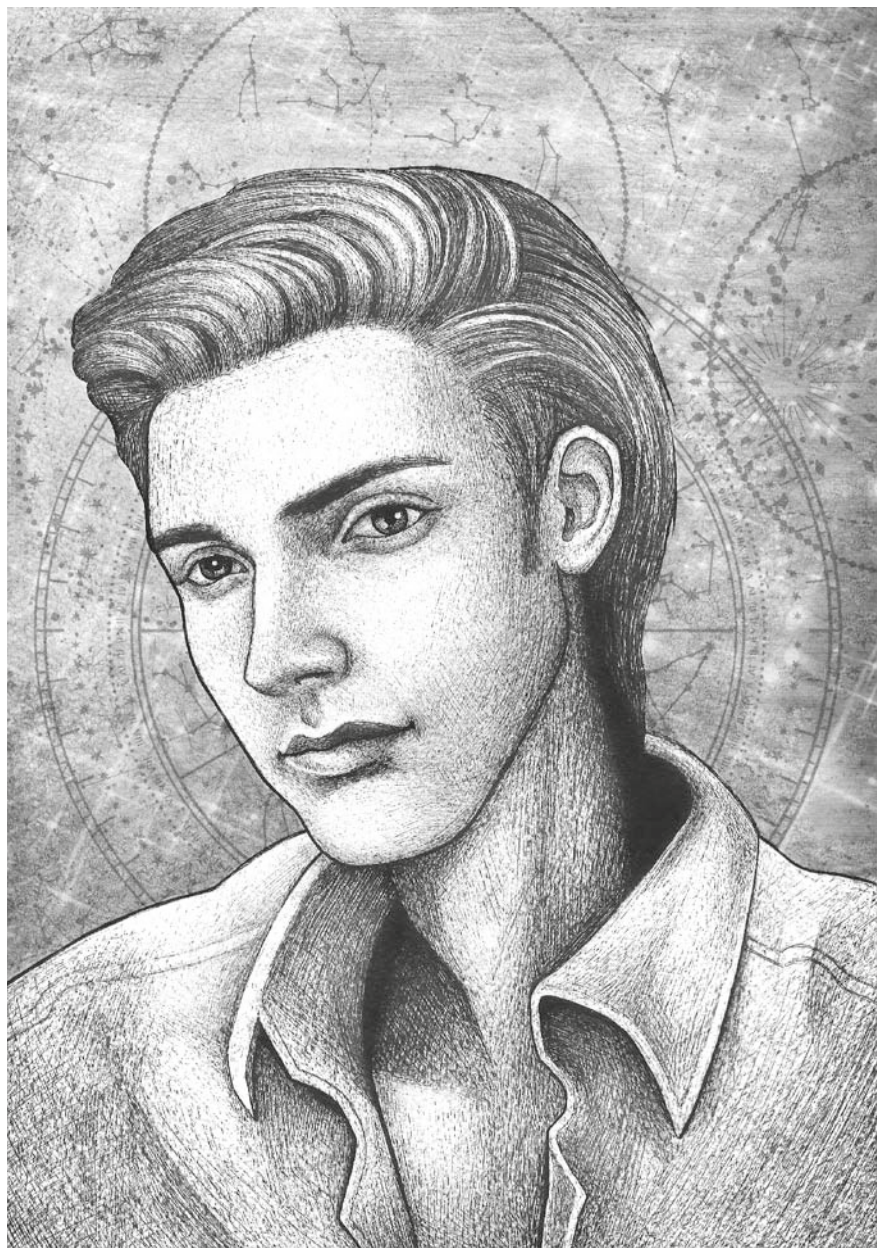
Кроме меня.

Так стоит ли принять участие, или же я могу попытаться ее изменить? И если посмею отказаться, не уплачу ли за это вдвойне, не повлеку ли наказание куда страшнее?

Головы продолжали громогласное напутствие:

— Превратитесь в храм зла, впитайте его, чтобы оно стало вашим щитом! Чтобы ослепли неверные, не успев узреть вас. Чтобы оружие врагов, направленное на вас, проткнуло их собственные сердца! Прикните к нашим легионам!

Нас заволокло едким черным дымом. Кривоногие карлики спешили к обнаженным людям, предлагая испить из кубков. Один из них побегал ко мне и к рядом стоящим черноруким, сверкая крохотными глазками. Он протянул кубок с дымящейся коричневой жижей, и к нему потянулось множество рук страждущих. Люди, расталкивая друг друга, выхватывали кубок и торопливо делали большие глотки.

.. ПРОКЛЯТЫЙ ..